КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Мишель Крозье (1922 г. р.) – видный французский социолог, основатель и директор Центра социологии организаций в Париже, известного с 1976 г. как Национальный центр научных исследований. М. Крозье был постоянным консультантом французского правительства по вопросам экономического планирования, образования и муниципального управления. Он читал лекции в ряде американских университетов, в том числе в Гарварде, в Центре новейших исследований по поведенческим наукам в Стэнфорде, в Школе социальных наук при Калифорнийском университете, на философском факультете университета Париж-Нантерр, во Французском университетском колледже при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. Президент Французской социологической ассоциации в 1970 –1972 гг., с 1975 г. – директор социологического отделения Института политических исследований в Париже.

В диссертации «Бюрократический феномен», анализирующей механизмы функционирования организационных структур и культурно-национальные особенности французского общества, дал толкование бюрократии, а также управленческого кризиса. Важным аспектом этого кризиса и сопровождающих его процессов стал кризис институтов социального контроля (особенно правовой системы), государственно-административных механизмов регулирования общества, в частности кризис институтов власти. Именно эти темы стали главным предметом его исследования. Такие труды М. Крозье, как «Блокированное общество» (1970), «Актер и система» (1977), «Общество не изменяется декретами» (1979), «Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения» (1987), составляют единый цикл работ, объединенных общей концепцией видения современного кризиса общества, прежде всего, как бюрократического кризиса и поиска новой стратегии преобразования, новой логики реформирования этатизированного, сильно централизованного государства.

Особый интерес для российского читателя представляет его теория реформирования общества, в которой он отстаивает новую логику преобразований, исходя из реалий постиндустриальных обществ. Он делает акцент на человеческие социальные аспекты развития общества и обосновывает необходимость нового подхода к использованию людских ресурсов

через «осторожную» стратегию «обучения» индивидов новым поведениям и новым моделям их взаимоотношений в социальном пространстве.

Сегодня звучат высказывания о безнадежной отсталости России в области модернизации экономической и социальной жизни общества. Безусловно, резон в таких замечаниях есть. Но следует отметить и то, что тема кризиса сегодня универсальна, она присутствует в социальной мысли всех стран, в том числе и стран современных западных демократий. Это, прежде всего, кризис бюрократический, кризис традиционных моделей управления, кризис устаревших типов взаимодействия государства и общества, государства и человека. Такой кризис вызывает необходимость радикальной переоценки авторитарной и самодовлеющей роли государства в общественной организации.

Поскольку многое из постулатов М. Крозье напоминает современную политическую ситуацию в России, мы сочли полезным для нашего читателя опубликовать в рубрике «Классика научной мысли» фрагменты работы М. Крозье «Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения».

© Жовтун Д.Т., 2011

М. Крозье

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО – СКРОМНОЕ ГОСУДАРСТВО. ДРУГАЯ СТРАТЕГИЯ ИЗМЕНЕНИЯ[1]

Как либералы, так и технократы, и те и другие в равной степени, путают регламентации и регуляции. Анализ конкретных случаев из области функционирования как простого рынка, так и сложных индустриальных социальных систем показывает, что регуляции иного порядка, нежели экономические и автоматические регуляции,– а именно социального порядка – ныне столь же важны, как и первые, которые социальные регуляции усиливают, дополняют или же просто делают возможными.

Чтобы освободить экономику от засилья государства, необходимо понять эти регуляции и то, каким образом они влияют на новый контекст постиндустриальных обществ.

Командная экономика в общем обречена, и если во Франции возникла необходимость в приватизации, то это вовсе не потому, что провалилась

[1] Печатается по: *Крозье, М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения /Антология мировой политической мысли; В 5 т.– Т. II «Зарубежная политическая мысль. XX в.».– М.: Мысль, 1997.– С. 699 – 711.

национализация, а потому, что тот размах, который она приняла, приковывает нас к модели управления, все более и более устаревающей.

Активное вмешательство государства в экономику должно быть полностью переосмыслено, потому что наши технократы, каким бы умом они ни отличались, не обладают ни компетенцией, ни необходимой свободой духа для того, чтобы принимать решения от имени практиков. При этом государство полностью упускает из виду функцию инвестирования в развитие знаний и научных исследований, необходимых для обоснования и популяризации общественных и частных экономических, технических и финансовых решений.

Ему, наконец, необходимо выработать новую философию регламентации, основанную на двух идеях: с одной стороны, на идее о том, что только простота правил позволяет справиться со сложностью проблем; с другой стороны, на идее о том, что только активное сотрудничество граждан и профессионалов может ему позволить выполнить его задачу в области экономики.

[...] Нет ничего проще, чем доказать превосходство рыночных механизмов автоматического регулирования (*d'ajustement*) в самых разных областях человеческой деятельности. К сожалению, это превосходство проявляется только в абстракции чистого мышления. На практике проблему таким образом ставить нельзя, потому что на практике важны не механизмы функционирования, вводящие в игру однажды эффективно установленный конкретный рынок, а средства его установления, его сохранения и его развития волею судеб постоянно новых обстоятельств. Рынок в действительности не есть некое естественное состояние, которое могут якобы «замутить» и нарушить там или сям внешние злонамеренные или ошибочные вмешательства; рынок – это очень тонкое человеческое сооружение («человеческий конструктор») (*construit humain*), которое требует для своего возникновения, утверждения и развития огромных коллективных усилий. Не существует некоего большого абстрактного рынка, находящегося в соответствии с определенным взглядом на него – пусть даже полезным, но не реалистическим – теоретиков классической экономики, а существуют конкретные, очень многочисленные и очень разнообразные, очень сложные в своих взаимоотношениях рынки. Наряду с автоматическими механизмами, которые лежат в их основе, эти рынки включают всегда и другие регуляции, которые обеспечиваются писаными или неписаными правилами, одни из которых устанавливаются общественной властью, другие – по привычке, третьи – почти неосознанно.

Утверждение о том, что автоматические механизмы являются высшими,– это почти трюизм. Но если они и являются высшими, это не означает среди других способов регуляции, что они являются достаточными. Они всегда являются одним из способов регуляции среди других способов регуляции (самым законченным и самым эффективным, конечно), но таким, который может существовать только с помощью других.

В словаре социальных наук термин «регуляция» применяется для обозначения действия корректирующих механизмов, которые поддерживают существование системы. В отличие от физических систем, которые могут строиться только на автоматических регуляциях, социальные системы более открыты, намного менее «закабалены» – наличие в них феноменов власти и сознания делает их более уязвимыми, но в то же время и более способными к адаптации.

Этот термин, в принципе очень простой, тем не менее порождает проблему в том смысле, что американское его использование привело к тому, что его стали также применять для обозначения вмешательства общественных, и особенно федеральных, властей в деятельность по контролю над некоторыми экономическими областями. Дополнительную путаницу в эту проблему внесли и долгие дебаты об американской политике «дерегуляции». Однако англосаксонское научное использование этого термина совпадает с французским, которое предостерегает от того, чтобы этот абстрактный и общий термин не путали с государственной регламентацией. Американцы «дерегламентировали» ряд областей, в которых, однако, прекрасно сохранились очень сильные регуляции: регуляции рыночные, конечно, но также и регуляции, основанные на различных практических правилах, которые в каждой профессиональной области обязательны для всех участников.

Доктринерские теоретики рынка, которым таким образом помогает терминологическая путаница, внесенная американцами, имеют тенденцию смешивать понятия регламентации и регуляции. Они и помыслить не могут, что между абстрактным автоматическим рынком и регламентирующим вмешательством общественной власти могут существовать другие формы регуляции. В определенном смысле то же самое происходило с их противниками – государственными технократами, благодаря чему мы имели и имеем еще поныне замечательные образчики диалога глухих.

[...] Чтобы дать возможность лучше понять характер проблемы, я приведу последовательно три совершенно различных конкретных примера.

Сначала простой пример из области экономического рынка, а именно рынка по продаже артишоков и цветной капусты в Сен-Поль-де-Лионе, провинция Бретань. Этот рынок трансформировался, или скорее, был переструктурирован, в начале 60-х годов, после глубокого кризиса, рассмотрение которого позволяет пролить свет на случайный «сконструированный» характер экономического рынка и на ту часть неавтоматической регуляции, которую он содержит.

Издавна общественные власти во Франции и за ее пределами пытаются оздоровить сельскохозяйственные рынки, в которых непостоянство урожаев и трудности хранения продукции делают уязвимыми действия по ее скупке. Эти действия имеют ограниченный успех. Косвенные последствия таких их действий часто приводят к разного рода непредвиденным и неже-

лательным эффектам – таким как перепроизводство, непроизводительные финансовые затраты, административные издержки.

Рынок ранних овощей Северной Бретани до конца 50-х годов был одним из рынков, над которым господствовали сильные парижские комиссионеры. Последние, защищенные своей квазимонополией, держали производителей в своей власти. Из-за скоропортящегося характера продукции производителям грозили большие убытки или полное разорение, причем комиссионеры от этого могли и не получать реального выигрыша. В начале 60-х годов молодое поколение предпринимателей под руководством А. Гурвенека и М. Леона восстало против такого порядка вещей и, изучив различные возможности регулирования рынка, решило больше не осуществлять прямых продаж потребителям – предложение, которое выдвинули тогда гошисты[1],– и не прибегать к общественным учреждениям, что соответствовало социалистической точке зрения, а ввести в действие разные механизмы, следуя голландскому опыту «часового рынка». Успешно создав, благодаря своим организационным способностям, общий фронт производителей, Гурвенек и Леон заставили посредников принять законы этого нового рынка. Кончилось тем, что посредники вынуждены были подчиниться, и после долгого периода адаптации в конечном счете они нашли в этом порядке и свою долю выгоды.

Что же произошло? Благодаря осознанию своей способности действовать, благодаря интеллектуальному выбору и эффективной стратегии своих лидеров, производители трансформировали человеческую систему, внутри которой они действовали. С этого момента она стала управляться намного более сложным механизмом встреч и информации между продавцами и покупателями, механизмом, который, осуществляя четкость сделок и их концентрацию во времени, ликвидировал возможность шантажа и манипуляции со стороны посредников. Таким образом, произошло приближение к идеальному рациональному рынку.

Но эта новая система менее всего имеет отношение к «естественному» миру, она одновременно продукт интеллектуального построения и организационной работы. Чтобы достичь того, чего они достигли, производители заставили посредников – но в то же время и самих себя – подчиниться дисциплине созданного ими в Сен-Поль-де-Лионе регуляционного механизма, который монополизировал и централизовал все сделки. Этот орган должен по замыслу оставаться нейтральным в своих действиях, он не должен оказывать влияние ни на политику занятости, ни на политику цен. Зато он мог возникнуть только в результате настойчивых усилий по формированию человеческой среды производителей, мощный профсоюз которых приложил немало усилий для роста их образования и стимуляции деятельности.

[...] Наконец, потребовалось в свою очередь вмешательство общественных властей, чтобы легализовать те принуждения, которые налагаются

дисциплинарной властью созданного регуляционного органа. И именно здесь очень хорошо видно, что механизм, необходимый для обеспечения действия рационального рынка, нуждается в поддержке государственными регламентациями. Однако последние оказываются не в силах создать рынок. Важность «человеческих» аспектов – а не чисто экономических и не чисто регламентационных – в создании этого рынка доказывается в конечном счете провалами попыток распространения этой модели. Под впечатлением успеха Гурвенека общественные власти решили отрегулировать другие рынки ранних овощей, используя ту же формулу «часового рынка». И во всех случаях, кроме одного, они потерпели неудачу. Причина проста: они считали, что речь идет о введении экономической модели, т. е. модели автоматической. Они оказались неспособными понять важность социальных регуляций, которые лежат в ее основе и которые Гурвенек и его друзья хорошо знали, поскольку им пришлось их организовывать.

[...] Общественное вмешательство и регламентации могли бы быть эффективными, если бы либеральные теоретики были правы, другими словами, если бы экономика и общество функционировали как в учебниках, в которых описаны их великие абстрактные механизмы. Однако не существует универсального рынка, а существует только множество запутанных рынков, где сложность элементов переговоров (*des elements de negociation*) между действующими лицами (*acteurs)* создает структуры власти и механизмы регулирования, недоступные для всякого технократического вмешательства. Рынки ранних овощей – это крайние случаи, хотя и не маргинальные, которые позволяют через драматизацию ситуации вынести на свет божий ключевые элементы формирования и функционирования таких рыночных механизмов.

Универсальность этих феноменов недавно была подтверждена замечательным анализом историков американского экономического развития XIX в. Обычно принято восхищаться этим развитием, не подозревая о тех усилиях, которые нужно было приложить, чтобы постепенно создать большой континентальный рынок, ныне успешно функционирующий. Лучшие современные американские исследователи, такие, как Альфред Чендлер-младший, показали, что речь здесь идет именно о создаваемом механизме, а вовсе не о географической или даже культурной данности[2].

Если этот большой рынок и смог образоваться, то это произошло благодаря постоянным усилиям общественных властей, которые сумели развить систему коммуникаций и в то же время заставить соблюдать принудительные юридические нормы. Однако этих регламентационных усилий недостаточно, сколь бы необходимы они ни были. Они призваны только поддерживать и усиливать медленное становление промежуточных человеческих структур (*des reseaux humains d'intermediaires*), которые создавали этот рынок. В действительности эти структуры играли более решающую экономическую роль, чем основатели крупных предприятий, которые ими

пользовались. Традиционные регуляции коммерческих отношений здесь предшествовали экономическому росту и законодательству и одновременно направляли их.

Теперь я хотел бы привести в качестве примера – можно было бы сказать, в качестве противопоставления первому – особенно тягостный для Франции случай государственного вмешательства в хорошо известную область станкостроения. Рассуждение технократов простое: сектор станкостроения – важный сектор, в котором Франция сильно отстала. И поэтому она вынуждена не только импортировать продукцию этой отрасли народного хозяйства, но и быть в зависимости от заграничных поставок в других секторах, опирающихся в своей деятельности на продукцию станкостроения. Выражаясь на технократическом жаргоне, речь здесь идет об очень слабом звене в нашем промышленном механизме. А потому нужно действовать. И они действуют: по меньшей мере в течение десяти лет разрабатывался и приводился в действие новый план станкостроения – реструктурирование, инвестирование, кредитование и т. д.

Речь здесь идет не о регламентации, а о прямом вмешательстве общественной власти, которая навязывает себя не только в качестве регулятора, но и в качестве банкира и промышленного подрядчика. На бумаге все элементы соединяются таким образом, что обещают успех предприятия. Но каждый раз одним и тем же образом новый план проваливается. Издержки от этого громадны, и сектор станкостроения деградирует в результате каждый раз еще больше.

Как объяснить это повторение одних и тех же механизмов, ведущих к провалу? Да просто тем фактом, что высокопоставленные технократы никогда не размышляли об экономических регуляциях социальной системы, которые лежат в основе сектора станкостроения. Краткий анализ показывает, что если данный сектор приходит в упадок, то это происходит большею частью потому, что французские инженеры больше не интересуются механикой. Это не значит, что они в культурном смысле плохо подготовлены для этой специальности: в прошлом здесь они показали себя очень хорошо. И действительно, нет никаких оснований, чтобы они оказались менее изобретательными, чем немцы или итальянцы. Но система французских инженерных школ была сформирована и сорганизована таким образом, что механика в ней стала второстепенной дисциплиной, в этой области нет никаких шансов получить престижную специальность и сделать блестящую карьеру. Мы оказались здесь в порочном круге: мало новых алчущих знаний новобранцев и, следовательно, недостаточно идет процесс обновления – следовательно, плохие результаты – отсюда недостаточная экономическая и финансовая поддержка – и, следовательно, новое ослабление человеческой ткани (*tissu humain*), которая становится все менее и менее «несущей» («*porteur*») тканью. И любые экономические и финансовые схемы не способны здесь ничего изменить.

Если бы появилось желание действовать эффективно в этой области, то следовало бы удержаться от прямого вмешательства в рынок, и прежде всего постараться получить достаточно серьезные знания о регуляциях человеческой системы, которая обусловливает его функционирование. Исходя из такого знания, вероятно, должны появиться новые возможности действия: восстановление престижа механики в инженерных школах, подъем научных обществ, развитие международного рынка компетенции. Государство, в принципе, только частично несет ответственность за действия подобного типа, но здесь существуют намного более эффективные и намного менее дорогостоящие – и потому более приемлемые – средства воздействия, чем обычные финансовые и регламентационные вмешательства.

[...] Скромное государство, которое мы должны создать, не есть государство «свободного предпринимательства» (*Etat de laissez faire*); это государство, которое действует не для того, чтобы навязать априорные взгляды своих технократов через командование или регламентацию, а чтобы способствовать трансформации глубинных регуляций реальных человеческих систем. Это действие не менее важно, не менее благородно и не менее трудно, как раз наоборот, но оно не нуждается больше в сохранении той же ситуации властвования и превосходства.

[...] Миссия регламентации, возложенная на общественные власти, в принципе не вызывает возражений: без минимальной регламентации нет должного уважения контрактов, исчезает доверие, на котором зиждется экономическая деятельность. Сама конкуренция может развиваться, если только ее ограничивают и защищают правила. Конечно, эти правила могут быть основаны на традиции, как, впрочем, и условия, которые обеспечивают уважение контрактов. Но уже давно во всех странах недостаточность системы, основанной на традициях, привела к развитию сильного регламентационного свода правил (*un corpus reglementaire*), который касается как соблюдения контрактов, так и поддержания условий для конкуренции, условий, регулирующих рынок труда, обеспечивающих защиту окружающей среды, запрещающих вредные для здоровья производства, а также вредную или морально предосудительную деятельность.

Спор, таким образом, идет не о необходимости регламентации, а о типе власти, которая должна ее разрабатывать, о типе власти, которая должна ее применять, с одной стороны, и о границах этой власти и превышении ее полномочий – с другой. Различие между страной с либеральной традицией, такой, как США, и страной с административной традицией, такой, как Франция, хорошо известно. Чрезвычайная власть административного государства «по-французски» проистекает из того, что оно господствует над законодательной властью в области разработки законов и над судебной властью в области их исполнения. Возможность быть судьей самому себе, которую оно, таким образом, оставило за собой, составляет одно из главных препятствий прихода к власти скромного государства. Однако это

только одна сторона дела. Первенство законодательной и судебной властей в такой стране, как США вовсе не мешает умножению там правил, а как раз наоборот. Это сравнение многое объясняет, так как оно позволяет лучше понять причины той ситуации, которая порождает болезнь и похожие реакции отторжения в столь разных в общем странах.

Первая и самая главная из этих причин – потрясающий рост сложности сделок между участниками экономической и социальной игры. Вереница взаимозависимостей и многочисленные вторичные последствия всякой деятельности, которые вытекают из этой сложности, делают невозможным поддержание простых правил обеспечения ответственности и защиты людей и вещей. Переход к обществу услуг ускоряет это развитие в том отношении, что сами рынки услуг еще более сложны, и человеческие отношения, которые они создают, имеют намного меньше ограничений, чем отношения купли-продажи традиционной индустриальной модели.

Однако к воздействию сложности прибавляется еще один, более второстепенный довод. Это необходимость вмешательства с целью обеспечения равенства доступа к экономической и социальной игре (*jeu economique et social*), во-первых, и равенства условий игры ее участников, во-вторых. В таком случае главной задачей регламентации является установление между индивидами достаточного равенства, которое свободная игра рынка обычно ликвидирует настолько, что задетой оказывается сама жизнеспособность общества. Прямые вмешательства активного регламентирования, ограничивающего свободу заключения контрактов, диктующего особые условия найма рабочей силы, ее увольнения, продвижения по службе и использования налогообложения для обеспечения большего равенства доходов, повлекли за собой развитие налогового права, социального права, делового права, сложности и противоречия которых не перестают приводить в растерянность самих специалистов по этим вопросам.

Как решать эти проблемы? Было бы абсурдным верить, что их можно оставить на милость рынка. Сложность возникла как реакция властей на реальные противоречия, реакция, в основании которой лежит логическая ошибка. Рассуждение шло таким образом, будто единственным способом овладеть этой сложностью было противопоставление еще большего числа правил. Однако современное размышление о человеческих системах (*les systemes humains*) начинает обнаруживать парадоксальную идею о том, что единственным эффективным ответом на нее является ответ «простоты» (*de la simplicite*). А это требует намного больших усилий в области умножения знаний о таких системах и проведения в них экспериментирования.

Прежде всего следует отметить, что наиболее эффективными регламентациями являются такие, которые опираются на уже существующие регуляции конкретной человеческой системы. Единственной целью регламентации тогда становится их гарантия и усиление. Лучшее изучение традиций, обычаев и регуляций такого рода могло бы привести к значитель-

ному ограничению необходимого регламентирования и к созданию более простых правил.

С другой стороны, нужно попытаться переосмыслить методы их применения. Странно констатировать, но концепция устрашения, действенность которой столь долго оспаривалась в области уголовного законодательства, остается, напротив, ключевой концепцией в области гражданского регламентирования. О карательном характере последнего приходится сожалеть тем более потому, что принципы наказания воспринимаются плохо. Мы превращаем отношения индивидов и коллектива в разновидность социальной игры в воров и жандармов, в которой множество правил и видов контролирования смягчается слабостью их применения.

Однако разве не было бы более разумным попробовать сначала лучше понять рациональность тех видов поведения, которые считаются нежелательными, а затем попытаться воздействовать на условия, которые их порождают, с одной стороны, и попытаться предусмотреть внимательнее возможные ошибки – с другой.

[...] Проблема, стоящая перед нами, – это проблема трансформации сложной системы; для того, чтобы достичь успеха в ее решении, нужно найти иные рычаги воздействия, нежели страх и добродетель.

Первое замечание должно касаться ресурсов. Карательный подход исходит из размышления о принуждениях (*contraintes)*. Это – руссоистское упрощенное рассуждение: человек – хороший, достаточно ликвидировать принуждения, которые навязывает общество, и позволить ему самому найти средства устроить свои дела. Марксисты и либералы, несмотря на их сильнейшие расхождения, в одинаковой степени оказываются отмеченными этой философией (которую они заимствовали у философов XVIII в.). Ни те, ни другие не уважают общество таким, как оно есть. Они не хотят понять, что только в этом обществе они могут найти ресурсы для развития, что успех любой реформы есть плод процесса обучения, что именно эта способность человека к обучению и делает такое изменение одновременно возможным и приемлемым и что иначе нет ничего, кроме сумятицы, хаоса и распада. [...] Вернемся вновь к дискуссии о трех полюсах стратегического размышления (*un raisonnement strategigue*): цели – ресурсы – ограничения (*objectifs – ressources – contraintes*). Карательное размышление отдает предпочтение отношению «цели – ограничения». Революционеры хотят устранить все препятствия сразу, тогда как реформаторы довольствуются осторожным и постепенным подходом, однако, и те и другие придают лишь очень небольшое значение ресурсам. Стратегическое размышление переворачивает условия задачи: определяющими должны быть ресурсы, а вовсе не цели. Именно в зависимости от этих ресурсов нужно если не определять, то, по крайней мере, сверять с ними цели. Что касается размышления о принуждениях, то его не следует отделять от размышления о ресурсах, так как то, что является ресурсом, часто является

и принуждением, точно так же как то, что нам представлялось принуждением, может, напротив, стать ресурсом. Квалификация и энергия персонала, ориентированного на формальный контроль, является решающим средством для поддержания необходимой строгости исполнения сделок, но эти же качества становятся принуждениями, препятствиями при проведении реформы, направленной на дерегламентацию тех секторов деятельности, которые раздавлены быстрым размножением контрольных функций. Проблема состоит не в наказании чрезмерно старательных контролеров, а в ином использовании их способностей. То, что казалось здесь на первый взгляд абсурдным и утопическим, становится совершенно разумным, когда к их поведению приглядишься повнимательнее. Анализ того, что считают принуждениями, позволяет открыть в то же время возможные ресурсы. Крайний партикуляризм различных категорий служащих, которые ревниво относятся к своим привилегиям и прерогативам, например, может оказаться таким ресурсом, если будет принято решение о ревальвации тех специальностей, которым они соответствуют, для того чтобы обеспечить более динамичное управление. Трансформация принуждений в ресурсы для осуществления изменений может, таким образом, стать одним из главных элементов стратегии реформ.

Вернемся к нашей французской проблеме. Мы хотим открыть наше общество, сделать его способным на динамичное экономическое, политическое и культурное развитие, которое позволило бы всем его членам развивать свои способности в разнообразном мире хотя и традиционного индустриального общества. Из анализа нашей системы принятия решений мы делаем вывод, что для того, чтобы достичь успеха, мы должны стремиться главным образом к тому, чтобы трансформировать громоздкое всеведущее государство, которое мы создали, в скромное государство, более толковое, стремящееся поставить себя на службу обществу, и не командовать им. Главной функцией такого государства должно было бы стать стремление в первую очередь помочь всем социальным подсистемам, которые составляют общество, найти наилучшие регуляции изменений и возглавить крестовый поход за инвестирование в качество.

Здесь появляется фундаментальное противоречие, которое вынуждает нас на стратегическое размышление: нельзя изменить общество, не изменив роль государства, не изменив роль чиновников. Однако последние, как и все сформировавшиеся корпорации, враждебны всякому изменению.

Фронтальная атака на чиновничество, которое не хочет понять нужд новой действительности, приказание им измениться, наказание их, если они не изменятся, не дадут никакого практического результата и будут катастрофическими с политической точки зрения. Я уже отмечал фатальную ошибку Учредительного собрания 1791 г. (во Франции),[3] которое считало, что может, ничем не рискуя, навязать свои рациональные взгляды духовенству полностью дискредитированного Старого режима (*Ancien reg*ime).

Опрокинув некоторые главные регуляции общества, которое было более сложным, чем позволяло им думать их руссоистское видение мира, они воскресили умирающего и спровоцировали идеологическую войну, которая продолжалась более двух веков. Была ли возможность действовать по-другому? Я думаю, что да, но, поскольку невозможно переделать Историю, вспомним лучше поведение французских социалистов и поведение квебекских либералов в школьном вопросе. В 1960 г. квебекцы успешно провели во время своей «спокойной революции» операцию по секуляризации общества, которую, казалось, провести было намного труднее, чем все подобные предприятия «французской левой». И если им удалось добиться успеха, то это произошло потому, что они поняли всю важность человеческого ресурса, который представляли собой католическое духовенство, школьные религиозные институты и их, пусть и порицаемые, традиции. И вместо того, чтобы на них нападать, они решили на них опереться.

Стратегическое размышление о модернизации французского общества должно прежде всего касаться тех необходимых ресурсов, которые составляет в нем чиновничество. Вместо того чтобы сваливать на чиновников ответственность за недостатки системы, нашим реформаторам следует подумать о том, чем они могли бы помочь им в их усилиях по обновлению.

Главными ресурсами в реформе государства, действительно, являются прежде всего человеческие ресурсы. Ни в какой другой области французского общества ресурсами так не пренебрегают, так плохо их не используют и так не растрачивают их впустую. Остается только повторить, что, сделав акцент на развитие и использование этих ресурсов, можно было бы получить совершенно неожиданные результаты. Они должны и могут стать главным рычагом модернизации государства.

Примечания

[1] Гошизм – политическая теория, которая отдает предпочтение радикальным методам ведения революционной деятельности перед идеями партийности, партийной дисциплины и приоритета идеологии, характерными для традиционных вариантов левых социал-демократических и профсоюзных движений.

[2] *P. Alfred, Jr. Chandler* The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. – Harvard, 1978.

[3] Учредительное собрание – орган управления во время Великой французской революции. Образовано 9 июля 1789 г. вследствие переименования Национального собрания, возникшего 17 июня 1789 г. из депутатов третьего сословия, членов Генеральных штатов – совещательного органа, созванного Людовиком XVI в мае 1789 г. в связи со сложившейся во Франции революционной ситуацией и обострением политического положения в стране.

© Жовтун Д.Т.,составитель, 2011